

УДК 316.4.066

DOI: 10.17223/1998863X/59/16

Е.А. Попов, О.Н. Замятина

«ЛУЧ СВЕТА В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КРАТКОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена рассмотрению социального оптимизма жителей Алтайского края. Социологическое исследование показало, что большинство жителей выражают социальный оптимизм в краткосрочной перспективе. Неоднозначность таких результатов связана с тем, что Алтайский край имеет не самые высокие по сравнению с другими регионами России показатели качества жизни, однако большинство людей относят себя к оптимистичным.

Ключевые слова: социальный оптимизм, счастье, Алтайский край.

Постановка исследовательской проблемы

Каждый российский регион живет по-своему, решает свои актуальные социальные проблемы в силу сложившейся социально-экономической и социально-политической региональной специфики. Алтайский край среди прочих субъектов Российской Федерации занимает одно из последних мест, и такая ситуация практически не изменялась на протяжении довольно длительного времени. По многим показателям развития регион уступает другим регионам не только в масштабе всей страны, но и на уровне Сибирского федерального округа. Например, по итогам 2010 г. инвестиции в основной капитал для края достигли предпоследнего показателя по регионам округа, в то же время объем долга по отношению ко всем доходам консолидированного бюджета вывел Алтайский край на «лидирующие» позиции [1. С. 26, 30], а в 2019 г. в рейтинге средних зарплат в малых и средних населенных пунктах субъектов Российской Федерации край показал только 70-й результат [2]. Кроме того, по данным фонда «Петербургская политика» за декабрь 2019 г., Алтайский край как в 2009 г., так и в 2019 г. входит в число 20 регионов России с самым низким уровнем доходов [3]. В основном разнообразные рейтинги оперируют понятием «качество жизни», которое «являет собой сложный функциональный феномен. Оно не только выступает важным показателем и стратегической целью развития территории, но и во многом определяет жизнедеятельность горожан» [4. С. 140]. Разумеется, этот показатель рассчитывается и для сельского населения, но он обязательно должен включать социальный оптимизм и, возможно, уровень счастья людей.

Между тем индекс счастья российских городов, рассчитанный мониторинговым агентством NewsEffector совместно с фондом региональных исследований «Регионы России», отвел столице Алтайского края г. Барнаулу только 61-е место и 81-е место г. Бийску. При этом на вопрос «Вы чувствуете себя счастливым в Вашем городе?» 67% барнаульцев ответили положительно (<https://www.gosrf.ru/news/5927>). Ситуация, конечно, может меняться в целом

по региону: проведенное в 2018 г. на факультете социологии Алтайского государственного университета (АлтГУ) социологическое исследование обнаружило 52% счастливых жителей края с учетом сельского населения. Индекс показательный, хотя вызывает все же множество вопросов. Один из таких вопросов – о социальном оптимизме в крае – и поставлен в центр настоящей статьи. Счастье, оптимизм, субъективное благополучие – вещи неразделимые в условиях современной социальной реальности. Так, например, в работе О.В. Васильевой приведены коэффициенты корреляции между состоянием оптимизма и оценкой респондентами уровня своего счастья [5. С. 36], в другом исследовании приводится интегральный показатель общего восприятия социального благополучия, при расчете которого также учитывается оптимизм («я всегда смотрю на свое будущее с оптимизмом»: согласен / не согласен») [6. С. 27]. В этом контексте важное значение также приобретает фактор удовлетворенности жизнью: «среднее значение удовлетворенности жизнью в России составило 5,79 балла по шкале от 0 до 10, среднее значение уровня счастья – 6,22» [7. С. 66]. Как видим, «общероссийское счастье» невелико, но все же превосходит медиану. В этой связи закономерен вопрос: если жители края в большинстве своем чувствуют себя счастливыми, несмотря на сложности регионального развития (и главную из них – невысокий уровень жизни), то, может быть, это связано с социальным оптимизмом (люди счастливы, потому что с оптимизмом смотрят в будущее)? Ответ на этот вопрос важен с точки зрения определения перспектив развития региона, пока же мы в краткосрочной перспективе дадим оценку социальному оптимизму населения края.

Социальный оптимизм: экзистенция или полилог с реальностью

Научный дискурс относительно социального оптимизма активно начал формироваться в социальном знании в течение последнего десятилетия. По сути дела стимулом для включения понятия «социальный оптимизм» в актуальные исследовательские практики социологов, скорее всего, можно считать философские представления о счастье, прогрессе, социальном самочувствии, социальных надеждах и разочарованиях. Так, например, по выражению К.Х. Момджяна, «общепризнано, что идея прогресса – восходящего развития, усовершенствования общества – играла колоссальную роль в самосознании европейской цивилизации» [8. С. 36]. Между тем «анализ феномена социального оптимизма позволяет осмыслить его сущность и роль в преобразовании социальной реальности, особенностей влияния протекающих процессов социокультурной динамики на изменение когнитивной, эмоциональной и волевой составляющих мотивационной сферы индивида. Социальный оптимизм включает в себя такие структурные элементы, как уверенность, вера, надежда, позитивные ожидания будущего» [9].

Рассмотрение социального оптимизма в плоскости «самосознания цивилизации» вполне оправдано, поскольку он может повлиять на перспективы прогресса и в то же время задать тон для дискуссий по поводу будущего состояния социального мира. В любом случае социальный оптимизм в руках социолога – это возможность показать, как в умах и душах людей уже утрачены или еще наличествуют светлые представления о будущем в различных вариантах взаимодействия человека, общества и культуры. Вероятно, соци-

альный оптимизм можно соотнести и с *социальным ресурсом*, под которым подразумевается «включенность в различных отношениях (дружеских, родственных, земляческих и т.д.), обеспечивающих доступ к ресурсам других участников сетей или более эффективное их использование с их помощью собственных» [10. С. 50]. Помимо этого, социальный оптимизм может рассматриваться и как *личный ресурс*, а значит, «формирование социального оптимизма как личного ресурса определяется сдержанным отношением или неприятием коллективных форм или опеки, вмешательства государства и верой в собственные силы, возможности не просто как-то устроиться в жизни, но и, действуя на свой страх и риск, достичь определенной степени самореализации» [11. С. 141]. Условно говоря, социальный оптимизм как социальный ресурс – это надежда на лучшее, а как личный ресурс – это вера в светлое будущее.

Разница здесь в том, что надежда – это скорее сдержанный, подверженный объективным в виде социальных тенденций и субъективным в форме общественных ожиданий взгляд социума вперед, а вера – это человеческая экзистенция, сопряженная с переживаниями, радостью, гордостью, осознанием вечности или кратковременности бытия, и т.д. Логично в связи с этим предположить, что «социальный оптимизм, таким образом, являясь, с одной стороны, проекцией влияния внешней среды, с другой – во многом определяется осознанием личной ресурсоспособности. Вера в собственные силы помогает сконцентрироваться на уходе от общественных проблем как проблем, не имеющих принципиального значения для того, чтобы достичь состояния „жизнь удалась“» [Там же].

Социологу предстоит дифференцировать «надежду» и «веру» для того, чтобы понять, что стоит за социальным оптимизмом населения – полилог с реальностью, когда люди, например, чувствуют заботу со стороны государства, могут реализовать свои гражданские инициативы, или же это состояние экзистенции, когда человек черпает оптимизм из своих внутренних резервов и ресурсов, и в этом случае его субъективные представления в достаточной степени изменчивы и спонтанны. Заслуживает внимания и то обстоятельство, при котором несчастливый человек может оказаться оптимистом, а счастливый, наоборот, пессимистом.

Поэтому не стоит забывать, что существует и обратная сторона оптимизма – пессимизм. Ученые все чаще в своих исследованиях обращаются к данному понятию для того, например, чтобы показать закономерность: «сужение временной перспективы и рост пессимизма происходили постепенно, и надежды на возможную позитивную динамику со временем сменились чувством безысходности» [12. С. 108]. Этот вывод последовал по результатам изучения настроений жителей села, однако нам стало интересно измерить «чувство безысходности» населения Алтайского края не только в селе, но и в черте города, а также показать, насколько безысходность «мешает» повысить или снизить градус социального оптимизма.

Обзор социально-экономического положения и региональных особенностей Алтайского края: кризис или есть надежда?

Безусловно, Алтайский край – достаточно перспективный регион в социально-экономическом плане: прежде всего, в сельском хозяйстве край остается

ся на лидирующих позициях в стране. В несколько более сложном положении находится промышленное производство, однако к концу 2018 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, наметились сдвиги в положительную сторону в увеличении объема товаров и продукции собственного производства [13], что свидетельствует о тенденции выхода из индустриального кризиса. Эта тенденция пока не позволяет сделать вывод о существенном скачке в промышленности края, однако уже сейчас может опосредованно сказаться на уровне социального оптимизма населения. Пока по-прежнему острой остается проблема безработицы, особенно в сельской местности.

Несмотря на трудности развития и в связи с этим не самые высокие экономические показатели в сравнении с другими регионами и России, и Сибирского федерального округа, край занимает активную позицию не для «выживания», а для существенных изменений, способных повлиять на уровень жизни населения. Отчасти откликом на это положение дел является выражение социального оптимизма жителей края, хотя бы и в краткосрочной перспективе.

В последнее время социально-экономические и социокультурные особенности Алтайского края исследователи в основном связывают с приграничным положением края, поскольку он граничит на юге и западе с Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями Казахстана. В научном дискурсе выделяются следующие характерные черты края, которые возникают в силу, прежде всего, его географического приграничного положения: во-первых, «по результатам самооценки населением приграничных регионов своего материального положения в настоящее время к бедным и очень бедным себя отнесли 16,0% (в том числе к последним – 2,0%). Средне оценили свое материальное положение 69,3% населения региона; 14,7% отметили, что живут достаточно обеспеченно...» [14. С. 179–180].

Во-вторых, Алтайский край можно отнести к регионам с высокими показателями рисков социальной эксклюзии и социальной безопасности лиц пожилого возраста [15]. Кроме того, в-третьих, эксперты обнаружили, что «массовый отток молодежи из села привел к качественным сдвигам в демографической структуре сельского населения Алтайского края... в отдельных периферийных районах, преимущественно в небольших селах, критически затруднено демографическое воспроизводство. Такие изменения не остались без внимания сельских жителей: в рейтинге социальных проблем села в 2017 г. миграция молодежи переместилась на второе место после безработицы...» [16. С. 172]. Помимо этого, в-четвертых, край демонстрирует активность национально-культурных объединений в содействии социальной адаптации и интеграции этнических сообществ [17], что сглаживает многие проблемы межнационального взаимодействия и значительно снижает опасность разрастания соответствующих конфликтов в этнической среде. Это обстоятельство имеет важное значение для развития приграничного региона [18].

Как видим, на фоне определенных социально-экономических сложностей развития края, таких как, например, недостаточно высокий уровень материального обеспечения населения и рост безработицы, миграционные потери и сложности демографического воспроизводства и т.д., у региона тем не менее имеется ряд преимуществ, которые, безусловно, могут сказываться на

социальном оптимизме жителей. К таким преимуществам можно отнести внедрение социальных программ, повышающих социальное благополучие населения, что становится приоритетом стратегического развития системы социальной защиты населения в крае [19]; прирост индекса производства продукции сельского хозяйства и ее реализации, а также валовые сборы сельскохозяйственных культур [20]; высокий уровень преемственности основных традиционных ценностей в алтайских семьях и их транслирования последующим поколениям [21], что наиболее важно для социального самочувствия людей и в целом социальной динамики поколений [22] и т.д. Но, разумеется, не только социально-экономические показатели влияют на отношение населения края к жизни, оказывая, таким образом, воздействие на формирование и социального оптимизма, и счастья. Как полагают исследователи, «на уровне обыденного сознания счастье часто отождествляется с благосостоянием, высшим благом, рассматривается как наивысшее достижение, включающее в себя все иные желаемые приобретения, в том числе богатство, здоровье, работу, славу, любовь, уважение, спокойствие, семью, детей, радости и т.д.» [23. С. 121].

Социальный оптимизм, вслед за счастьем, возникает и в силу того, что население проживает в благоприятных климатических или иных территориальных условиях. При проведении эмпирического исследования мы учитывали это обстоятельство и задавали респондентам вопрос, в частности, о том, каким образом влияет на их социальный оптимизм географическое положение Алтайского края, удаленность от европейской части страны, особенности климата, самоидентификация себя с сибиряками («сибирское здоровье», «сибирская удаль») и т.д.

Таким образом, исходя из объективных данных, полученных в ходе различных прикладных исследований, Алтайский край постоянно и на протяжении длительного времени испытывает сложности социально-экономического развития, особенности в секторе промышленного производства, но вместе с тем в силу своего приграничного положения, особых климатических и иных территориальных и социокультурных специфических черт способствует формированию социального оптимизма у населения, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

Характеристика эмпирического исследования

Социологи АлтГУ дважды затрагивали проблему социального оптимизма населения Алтайского края: в 2018 г. было осуществлено исследование, посвященное непосредственно изучению социального оптимизма, и в 2018–2019 гг. исследование лишь частично затрагивало указанную проблематику. Между тем на основе обобщения полученных данных определяемая краткосрочная перспектива составляет не более одного года. Этот показатель может быть объективирован несколькими моментами, например необходимостью ежегодной реализации запланированных в регионе целевых социальных программ, что может повлиять на настроения жителей при решении значимых социальных проблем или, напротив, невыполнении социальных обязательств. Также имеет значение состояние демографических процессов: оно должно быть более-менее стабильным в течение года, а органы власти готовят ежегодные отчеты о состоянии процессов в регионе (движение населения: рождаемость / смертность, миграция и т.д.). Свою роль, хотя и опосредованно,

играет повышение или понижение рейтинга региона в общероссийских подсчетах (колебания, как правило, происходят ежеквартально, однако в среднем за год такой рейтинг показывает почти константный результат). Таким образом, краткосрочная перспектива социального оптимизма может быть очерчена рамками одного года или менее.

Значение определения социального оптимизма в течение одного года можно признать оправданным, поскольку, как полагают исследователи, «чувство, что затрачиваемые усилия не приносят результата, приводит к сужению временной перспективы до точки сегодняшнего выживания, индивид отказывается от усилий, направленных на постановку отдаленных целей, перспективное планирование и выработку рациональных стратегий реализации намеченного. Активность приобретает хаотичный характер, ее эффективность еще больше снижается, и чувство беспомощности и утраты контроля над событиями собственной жизни растет. Круг замыкается» [12. С. 108]. «Круг» социального оптимизма – это тот момент, когда люди, несмотря на имеющиеся сложности, меняют свой взгляд на мир и на жизнь, и, возможно, это способно повлиять на снижение уровня социальной напряженности, преступности, конфликтов на национальной почве и т.д. Пусть это изменение окажется не очень продолжительным по времени, однако оно укрепляет волю народа, открывает возможности для новых социальных проектов.

В ходе эмпирического исследования и в первом (2018), и во втором (2018–2019) случаях использовался массовый социологический опрос жителей Алтайского края. В первом исследовании «От социального пессимизма к социальному оптимизму в Алтайском крае» приняли участие 912 респондентов (выборка по возрасту, полу, роду деятельности), второе исследование «Разработка и продвижение комплекса мер социального характера по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае» проводилось в виде опроса населения по квотной стратифицированной выборке методом стандартизированного интервьюирования (1 220 респондентов в четырех городах и шести районах Алтайского края). Основные выводы в настоящей статье представлены по первому исследованию, второе исследование еще продолжается (под рук. В.В. Нагайцева), однако некоторые данные, полученные в ходе его проведения, также могут быть интересны. Кроме того, результаты региональных измерений в ряде случаев соотносились с периодически проводимым начиная с 2010 г., опросом «ФОМнибус» «Социальный оптимизм: краткосрочная перспектива» (53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1 500 респондентов) (<https://bd.fom.ru/report/map/d221907>).

Для целей исследования был разработан соответствующий оригинальный инструментарий. В частности, ключевыми показателями социального оптимизма были определены следующие характеристики: 1) отношение к жизни в целом, включая мировоззренческую позицию (взгляды на жизнь, религиозность, политическая ориентация, *modus vivendi* и др.); 2) отношение к окружающим, в том числе к органам власти, их действиям; 3) отношение к географическому пространству (любовь к малой родине, самоидентификация, влияние климата, удаленности от европейской части России и т.д.); 4) определение перспектив жизни в связи с влиянием актуальных проблем региона: социально-экономической ситуации в целом, состояния аграрного сектора региональной экономики, промышленного производства и др.

Данные характеристики позволят соотнести социальный оптимизм населения с типом человеческого капитала, формируемого в связи с занятостью людей в сельском хозяйстве, промышленности, а не только под воздействием социальных программ, направленных на решение социокультурной ситуации в регионе.

Оптимистичный край и оптимистичные люди. Человеческий капитал и социальный оптимизм

Итак, такой субъект России, как Алтайский край, отличает парадоксальная, на наш взгляд, особенность. С одной стороны, регион имеет низкий рейтинг по качеству жизни населения (по данным рейтингового агентства «РИА рейтинг» за 2018 г. 73-е место [24]). С другой стороны, большинство жителей края чувствуют себя счастливыми, как отмечалось выше. И поскольку обнаружилась такая специфика, была поставлена задача измерить социальный оптимизм населения региона в краткосрочной перспективе, чтобы по крайней мере или подтвердить триаду «невысокий уровень качества жизни – счастливое население – оптимистичные люди», или внести в нее коррективы. Кстати, столь неожиданную триаду, если она все же состоятельна, можно отчасти объяснить тем, что в основе возможного беспокойства населения, которое, конечно же, не может не сказаться на индексе социального оптимизма, «во всех федеральных округах лежат реальные проблемы жизнедеятельности россиян. Спектр опасений и показатель их силы формируются под воздействием сочетания субъективной и социальной значимости проблемы, а также особенностей ее восприятия в конкретных, социокультурных, социально-экономических и социально-политических условиях жизни региона. Первый фактор выступает явным, а второй – латентным детерминантом социальной тревожности» [25. С. 62]. По-видимому, здесь может срабатывать некий *компенсаторный механизм социальной ситуации*, когда в условиях, допустим, социально-экономического кризиса регионального масштаба, снижения качества жизни населению региона не остается ничего иного, как компенсировать это положение верой в будущее и, возможно, более продуктивной актуализацией различных сторон духовной жизни.

При этом вероятность того, что «постооптимизм» (спустя некоторое время после выраженного социального оптимизма) может обернуться не только разочарованиями, но и крахом надежд с далеко идущими последствиями, существенно возрастает. Однако в этом вопросе нам необходимо обратиться к результатам эмпирических исследований.

Следует прежде всего отметить, что оптимистами по жизни являются не так уж много жителей края – 31%, но вместе с тем это вовсе не обозначает, что остальная часть населения – это пессимисты. Респонденты обращали внимание на то, что они довольно критичны к себе и окружающим, но при этом не сказали бы, что являются оптимистами или пессимистами (12%); некоторым оказалась близка позиция нигилизма или здорового скепсиса, но в этом случае участники исследования также затруднялись отнести себя к пессимистам или их противоположности (9%), и т.д. Вопросы о счастье не ставились, однако при выяснении мировоззренческой позиции в некоторых случаях респонденты связывали со счастьем ощущения покоя, надежности, веру в бога, общение с окружающими и природой и др. На этом этапе исследова-

ния напрашивался вопрос о том, что же необходимо современному человеку для счастья, но он был отмечен, поскольку цель работы – выявить пределы социального оптимизма людей. При этом мы исходили из того, что повседневный или жизненный оптимизм не обязательно может совпадать с ожиданиями лучшей жизни, связанными с деятельностью органов власти, государства или общественными процессами.

Он может также определяться приростом *человеческого капитала* как важнейшего производительного фактора развития экономики. Он может быть связан с формированием трудовых династий в сфере промышленного или сельскохозяйственного производства, увеличением числа фермеров и повышением их роли в реализации социального развития сел, закреплением на местах трудоспособного и квалифицированного населения, особенно в сельской местности, что, в свою очередь, приведет к снижению процессов региональной урбанизации и т.д.

По данным упомянутого опроса «ФОМнибус», в течение 2018 – начала 2019 г. россияне более чем сдержанно выражали социальный оптимизм: например, в начале прошлого года только 26% респондентов высказались за то, что жизнь в нашей стране станет лучше, но к июню 2019 г. этот показатель стремительно пошел вниз и показал уровень 16%. Вместе с тем примерно 40% россиян были уверены, что жизнь через полгода-год никак не изменится. При таком положении вещей могло бы возникнуть подозрение по поводу восприятия населением стабильности развития (положительный момент), если бы не приведенное падение одного из ключевых показателей (отрицательная оценка). На этом фоне население Алтайского края, оценивая потенциал региона в улучшении социальной обстановки, в большинстве своем (53%) высказывало надежду на изменения в лучшую сторону в ближайшее время. Перевес в социальном оптимизме по этому показателю был в пользу женщин средней возрастной категории и занятых в различных сферах деятельности. Беспокойство по поводу оптимистичного будущего демонстрировали жители сельской местности (62%), но при этом полностью не отказывались от мысли, что жизнь в любой момент может повернуться в лучшую сторону. Более сдержанными в этом плане были горожане: беспокойства и тревоги характерны для их жизни в целом, поэтому и беспокойство за будущее входит в этот кейс, но в то же время пессимистами по отношению к социальной реальности они не готовы себя признать.

Традиционные для исследования благополучия, социальных трансформаций вопросы о доверии к органам власти, органам местного самоуправления и чиновникам в целом не являются самостоятельными при изучении социального оптимизма, но вместе с тем чаще всего позволяют соотнести веру в лучшую жизнь с деятельностью органов управления. На вопрос «Верите ли Вы в то, что органы власти способны в ближайшем будущем улучшить жизнь?» только 30% респондентов допустили такую возможность. Но при этом все больше людей склоняются в сторону приемлемости личного участия или участия общественных организаций в улучшении жизни в краткосрочной перспективе. Так, об этом заявила почти половина всех опрошенных жителей края. Отметим и значимую когорту жителей края, которые затрудняются определиться с тем, способны ли органы власти в ближайшем будущем улучшить жизнь.

Для конкретизации ожиданий населения от возможного улучшения жизни в ближайшем будущем был задан ряд вопросов, нацеленных на выявление факторов регионального развития, которые население оценивает как позитивные и которые способны в ближайшее время изменить жизнь в лучшую сторону. Полученные значимые результаты касались, например, необходимости индустриализации региона, поддержки сельского хозяйства, развития газификации территорий, возобновляемых форм энергетики, но вместе с тем и поддержки малокомплектных школ, фельдшерско-акушерских пунктов и т.д. Этот список можно уже считать традиционным для регионов, однако любопытно то, что жители края при невысоком индексе доверия к власти не упустили возможности высказать аванс доверия новому губернатору региона и отчасти связывают надежды на лучшее и с его персоной. Но в целом социальный оптимизм жителей края в подавляющем большинстве (81%) связан с тем, что лучшая жизнь в недалеком будущем зависит от них самих, от возможностей устроиться в этой жизни, найти счастье в семье, работе, творческом развитии и т.д.

Человеческий капитал как фактор повышения социального оптимизма у жителей Алтайского края опосредованно был выявлен в ходе эмпирического исследования. Так, например, на вопрос «Допускаете ли Вы возможность, что получение качественных знаний и профессиональная реализация в труде способны в перспективе улучшить ситуацию в экономике региона?» 81% респондентов ответили утвердительно. При этом подавляющая часть участников исследования (76%) признала необходимость сохранения действующих и появления будущих рабочих мест едва ли не самым основным показателем, способным вывести регион из кризиса, т.е. для людей по-прежнему важны трудовая стабильность и понимание перспектив в занятости.

По сути, человеческий капитал может рассматриваться в системе воспроизводства человеческого потенциала. При этом концепции человеческого капитала в основном акцентируют внимание преимущественно на экономической роли человека, а для концепций человеческого потенциала характерно ставить в центр исследований равенство и расширение возможностей самореализации людей в условиях экономической результативности труда, общественного благополучия и устойчивого развития [26]. Разумеется, отношение к труду, возможности получать справедливую оплату труда, осознание ценности вклада каждого работника в экономику региона и другие социально-экономические показатели становятся важнейшими при формировании социального оптимизма населения. При проведении эмпирического исследования жителям Алтайского края был задан вопрос о роли труда в улучшении жизни в крае: «Считаете ли Вы, что труд будет сохранять в будущем важное значение для улучшения жизни людей?» Полученные результаты показали высокий уровень надежд жителей на то, что именно труд может повлиять на стабилизацию социальной жизни в будущем: горожане так считают в 80% случаев, жители села – в 84%. Роль человеческого капитала в формировании социального оптимизма опосредованно подтверждается и тем обстоятельством, что при проведении фондом «Петербургская политика» мониторинга основных событий социально-политической жизни регионов в список значимых событий для Алтайского края попали в основном события, связанные с промышленным производством, например «запуск на барнаул-

ском предприятии „Любава“ первого в крае производства маргарина и спредов» и т.д. [3].

Основные выводы

Население Алтайского края, судя по результатам социологического исследования, поддерживает социальный оптимизм в краткосрочной перспективе. При интерпретации полученных результатов было трудно удержаться от метафоры «луч света в темном царстве», однако она очень уместно характеризует сложившуюся обстановку в регионе по принципу «невысокий уровень качества жизни – счастливое население – оптимистичные люди». Ситуация на самом деле не такая простая: жители края черпают оптимизм во внутренних силах, не теряют надежду на лучшую жизнь, несмотря на сложности регионального развития, накопившийся груз социальных проблем (что зачастую происходит в разных регионах России). Вера и надежда в людях есть всегда – по-видимому, именно этот тренд можно заявить как обязательный элемент социального оптимизма. Между тем обнаруживается еще одна очень важная, на наш взгляд, деталь: люди стараются давать оценки перспективы лучшей жизни не только с эмоциональной точки зрения, но и рационально анализировать и осмысливать происходящее в социальной реальности. И уже на основе такого анализа составлять свое мнение по поводу перспектив дальнейшей жизни.

Литература

1. Сибирский федеральный округ. Социально-экономическое положение. М. : РИА «Новости», 2011. URL: http://vid1.ran.ru/ig/ratings/Siberian_FD.pdf (дата обращения: 12.01.2020).
2. Зарплаты в регионах в малых и средних населенных пунктах – Рейтинг 2019: РИА-рейтинг «Россия сегодня». URL: <https://riarating.ru/infografika/20190402/630121396.html> (дата обращения: 12.01.2020).
3. Рейтинг фонда «Петербургская политика» за декабрь 2019 года. URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2019-12> (дата обращения: 13.01.2020).
4. Ильиных С.А. Качество жизни по данным опроса в Новосибирске // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 140–145.
5. Васильева О.В. Социологические измерения счастья: универсальный подход (на материалах социологического исследования жителей г. Красноярск) // Siberian Socium. 2019. Т. 3, № 1. С. 30–45.
6. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.
7. Родионова Л.А. Возрастные особенности счастливой жизни в России и Европе: эконометрический подход // Прикладная эконометрика. 2015. № 40 (4). С. 64–83.
8. Момджян К.Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.
9. Боташева Ш.Х. Роль социального оптимизма в изменении социальной стратификации общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17256> (дата обращения: 12.12.2019).
10. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43–53.
11. Загорская О.В., Николаева Л.С. Социальный оптимизм как ресурс развития российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). 2015. № 3. С. 139–143.
12. Козлова М.А., Симонова О.А., Воронина Н.Д. Социальная сплоченность села: переживание настоящего и восприятие будущего // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 103–111.
13. Росстат: База данных муниципальных образований: Алтайский край: Деятельность предприятий. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 13.01.2020).

14. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимов М.Б. Гражданские позиции как основа формирования народного единства населения приграничных регионов современной России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 8 (142). С. 177–184.
15. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Риск социальной эксклюзии и социальная безопасность лиц пожилого возраста в регионах России // Society and Security Insights. 2018. Т. 1, № 1. С. 73–84.
16. Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Колесникова О.Н., Иванова О.А. Практики и драйверы миграционного поведения сельской молодежи в Сибирском аграрном регионе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 168–178.
17. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Максимова М.М. Роль национально-культурных объединений в содействии социальной адаптации и интеграции этнических сообществ в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 8 (154). С. 182–186.
18. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Черепанова М.И. Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 6 (152). С. 189–194.
19. Чудова С.Г. Социальное благополучие населения как приоритет стратегического развития системы социальной защиты населения в Алтайском крае // Социальное благополучие современной Сибири / под общ. ред. О.Н. Колесниковой. Барнаул : Азбука, 2010. С. 165–192.
20. Росстат: База данных муниципальных образований: Алтайский край: Сельское хозяйство. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 14.01.2020).
21. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Гончарова Н.П., Максимов М.Б. Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. 206 с.
22. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М. : РОССПЭН, 2009. 271 с.
23. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120–132.
24. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни, 2018. М., 2019. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018 (дата обращения: 12.01.2020).
25. Долгорукова И.В., Кирилина Т.Ю., Мазаев Ю.Н., Юдина Т.Н. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 57–66.
26. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 13–22.

Evgenij A. Popov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: popov.eug@yandex.ru

Olga N. Zamjatina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: olga_zamjatina@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 167–179.

DOI: 10.17223/1998863X/59/16

“A RAY OF LIGHT IN THE KINGDOM OF DARKNESS”: SOCIAL OPTIMISM OF THE POPULATION OF ALTAI KRAI IN A SHORT-TERM PERSPECTIVE

Keywords: social optimism; happiness; Altai Krai.

The article discusses the social optimism of the inhabitants of Altai Krai. A sociological study conducted in 2018–2019 showed that the majority of the residents express social optimism in a short-term perspective. The ambiguity of such results in their interpretation is due to the fact that Altai Krai does not have high quality-of-life indicators in comparison with other regions of Russia, but most people consider themselves to be happy and optimistic. The research of the features of social optimism manifestation among the inhabitants of the region has resulted in revealing an important aspect: a contradiction between the real conditions of people’s social life and their moods and assessments of social reality. It is suggested that such a situation is possible due to a more rational – and not only emotional – attitude of the population to the events and processes taking place. This means that the population has become more rational in assessing the situation in the region on the basis of socioeconomic and sociopolitical indicators of regional development. Social optimism is formed not

only in connection with expectations and hopes for a better future, but also with balanced assessments of the state of the economy and the actions of the state and local authorities in this direction. Thus, social optimism is considered both as a social resource and as a personal resource, when people begin to assess their role in the life of the state, society, region, and not only the effective or ineffective activities of the authorities, etc. The metaphor “A ray of light in the Kingdom of Darkness” used in the article is an indicator of the existential and rational state of the modern resident of a Russian region with low living standards, who is not losing faith and hope for a better life in the near future. At the same time, this metaphor has a real basis: the formation and strengthening of social optimism among residents of Russian regions are ever more realistic, with residents resting responsibility for the state of regional development not only on the authorities but also on themselves.

References

1. Ria Novosti. (2011) *Sibirskiy federal'nyy okrug. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie* [Siberian Federal District. Socio-Economic Situation]. Moscow: RIA “Novosti”. [Online] Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/Siberian_FD.pdf (Accessed: 12th January 2020).
2. RIA Rating. (2019) *Zarplaty v regionakh v malykh i srednikh naselennykh punktakh – Reyting 2019: RIA-reyting “Rossiya segodnya”* [Salaries in regions in small and medium-sized settlements – Rating 2019: RIA-rating “Russia Today”]. [Online] Available from: <https://riarating.ru/info-grafika/20190402/630121396.html> (Accessed: 12th January 2020).
3. St. Petersburg Politics Foundation. (2019) *Reyting Fonda “Peterburgskaya politika” za dekabry 2019 goda* [Rating of the St. Petersburg Politics Foundation for December 2019]. [Online] Available from: <https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2019-12> (Accessed: 13th January 2020).
4. Ilinykh, S.A. (2019) Quality of Life on Survey Data in Novosibirsk. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 140–145. (In Russian).
5. Vasilieva, O.V. (2019) Sociological measurement of happiness — universum approach (the case of a sociological survey of Krasnoyarsk citizens). *Siberian Socium*. 3(1). pp. 30–45. (In Russian). DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-1-30-45
6. Tatarova, G.G. & Kuchenkova, A.V. (2016) Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 21–32. (In Russian).
7. Rodionova, L.A. (2015) Vozrastnye osobennosti schastlivoy zhizni v Rossii i Evrope: ekonometricheskii podkhod [Age features of a happy life in Russia and Europe: an econometric approach]. *Prikladnaya ekonometrika – Applied Econometrics*. 40(4). pp. 64–83.
8. Momdzhyan, K.Kh. (2016) Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoy sotsial'noy teorii [The hypothesis of social progress in modern social theory]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 36–46.
9. Botasheva, Sh.Kh. (2015) The role of social optimism of changing social stratification of society. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1–1. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17256> (Accessed: 12th December 2019).
10. Tikhonova, N.E. & Karavay, A.V. (2016) Resources of Russians in times of crisis: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 43–53. (In Russian).
11. Zagorskaya, O.V. & Nikolaeva, L.S. (2015) Sotsial'nyy optimizm kak resurs razvitiya rossiyskoy molodezhi [Social optimism as a resource for the development of Russian youth]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI) – Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI)*. 3. pp. 139–143. DOI: 10.17213/2075-2067-2015-3-139-144
12. Kozlova, M.A., Simonova, O.A. & Voronina, N.D. (2018) Social cohesion in the villages: the emotional experience of transformations and perception of future. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 103–111. (In Russian).
13. Russia. (n.d.) *Rosstat: Baza dannykh munitsipal'nykh obrazovaniy: Altayskiy kray: Deyatel'nost' predpriyatiy* [Rosstat: Database of municipalities: Altai Territory: Activities of enterprises]. [Online] Available from: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (Accessed: 13th January 2020).
14. Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E. & Maksimov, M.B. (2016) Grazhdanskie pozitsii kak osnova formirovaniya narodnogo edinstva naseleniya prigranichnykh regionov sovremennoy Rossii [Civic positions as the basis for the formation of the national unity of the population of the border regions of modern Russia]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Altai State Agricultural University*. 8(142). pp. 177–184.

15. Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E. & Omelchenko, D.A. (2018) Risk sotsial'noy eksklyuzii i sotsial'naya bezopasnost' lits pozhilogo vozrasta v regionakh Rossii [The risk of social exclusion and social security of the elderly in the regions of Russia]. *Society and Security Insights*. 1(1). pp. 73–84.
16. Sergienko, A.M., Rodionova, L.V., Kolesnikova, O.N. & Ivanova, O.A. (2019) Practices and drivers of the migration behavior of rural youth in the Siberian agricultural region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 47. pp. 168–178. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/47/18
17. Maksimova, S.G., Omelchenko, D.A., Noyanzina, O.E. & Maksimova, M.M. (2017) Rol' natsional'no-kul'turnykh ob"edineniy v sodeystvii sotsial'noy adaptatsii i integratsii etnicheskikh soobshchestv v Altayskom krae [The role of national-cultural associations in promoting social adaptation and integration of ethnic communities in the Altai Territory]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Altai State Agricultural University*. 8(154). pp. 182–186.
18. Omelchenko, D.A., Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E. & Cherepanova, M.I. (2017) Sostoyanie sfery mezhnatsional'nykh otnosheniy v Altayskom krae [Interethnic relations in the Altai Territory]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Altai State Agricultural University*. 6(152). pp. 189–194.
19. Chudova, S.G. (2010) Sotsial'noe blagopoluchie naseleniya kak prioritet strategicheskogo razvitiya sistemy sotsial'noy zashchity naseleniya v Altayskom krae [Social well-being of the population as a priority of the strategic development of the system of social protection in the Altai Territory]. In: Kolesnikova, O.N. (ed.) *Sotsial'noe blagopoluchie sovremennoy Sibiri* [Social well-being of modern Siberia]. Barnaul: Azbuka. pp. 165–192.
20. Russia. (n.d.) *Rosstat: Baza dannykh munitsipal'nykh obrazovaniy: Altayskiy kray: Sel'skoe khozyaystvo* [Rosstat: Database of municipalities: Altai Territory: Agriculture]. [Online] Available from: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (Accessed: 14th January 2020).
21. Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E., Omelchenko, D.A., Goncharova, N.P. & Maksimov, M.B. (2016) *Demograficheskaya bezopasnost' prigranichnykh regionov sovremennoy Rossii: problemy stareniya i migratsii* [Demographic security of border regions of modern Russia: problems of aging and migration]. Barnaul: Altai State University.
22. Semenova, V.V. (2009) *Sotsial'naya dinamika pokoleniy: problema i real'nost'* [Social Dynamics of Generations: Problem and Reality]. Moscow: ROSSPEN.
23. Kozyreva, P.M., Nizamova, A.E. & Smirnov, A.I. (2015) Schast'e i ego determinanty (stat'ya 1) [Happiness and its determinants (Article 1)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 120–132.
24. Rian.ru. (2019) *Reyting regionov RF po kachestvu zhizni, 2018* [Rating of regions of the Russian Federation by quality of life, 2018]. [Online] Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018 (Accessed: 12th January 2020).
25. Dolgorukova, I.V., Kirilina, T.Yu., Mazaev, Yu.N. & Yudina, T.N. (2017) Social anxiety and social fears of Russia's population: sociological dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 57–66. (In Russian).
26. Bulanov, V. & Kataytseva, E. (2011) Human capital as a form of human potential demonstration. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economy*. 1. pp. 13–22. (In Russian).